

Кэролин Стил Эгоста (1958 -)

Виолончель

Джек наблюдал, как Валерия собиралась в дорогу. Тяжелые, увесистые вещи в спортивной сумке. Бережно сложенная одежда и виолончель. Она заполнила пустые места в сумке свернутые в рулон носками и тонкими трусиками, обложила гриф и шпиль блузками и свитерами. “Позволь мне поехать с тобой”, – сказал он. “Нет. Я слишком нервничаю”. Она снова напевала себе под нос мотив Прелюдии к сюите для виолончели №1 И.С. Баха. Невнятная, отрывистая, плавная и низкая мелодия(////) которую она репетировала снова и снова весь прошлый месяц.

“Все будет в порядке, – сказал он. – Ты находка для любого проекта”.

“Это точно. И другие студенты могут называть меня Бабушкой”.

Нахмурившись, Валерия засунула свой наряд для прослушивания в сумку-чехол. Она развела ноги, чтобы сесть к виолончели, и разрезы темно-синего, чертовски холодного шелка ее платья обнажили ее стройные икры, грациозно изогнутый свод стопы.

“К тому же, – добавила она, – я хочу, чтобы Хопалонг лежал на переднем сидении рядом со мной”. Она слегка похлопала по виолончели, погладив ее изгибы. Открытый футляр от виолончели лежал поперек их кровати, и полоска красного бархата создавала резкий контраст с белым покрывалом и скрипкой, отливающей темно-коричневым блеском. Весь этот год Джек делил свой дом с этим существом, куском живого дерева, а все свое тепло, радость и вкус к жизни с Валерией.

“Я нужен тебе, – сказал он, сжав кулаки в карманах штанов. – Чтобы хотя бы помогать тебе с багажом, приносить кофе, обеспечивать массаж, быть твоей персональной группой поддержки.”

Валерия оставила сборы и забралась к нему на колени. Она села на него верхом и обвила руками его шею. “Я вернусь, ты же знаешь. Раньше, чем ты начнешь по мне скучать.”

“Я уже скучаю. И потом, тебя примут и ты останешься там.” Валерия покачала головой, но Джек крепко держал ее.

“Да, тебя утвердят. Ты так долго и усердно репетировала, так старалась. Они не могут не принять тебя.”

Она поцеловала его. Его губы, подбородок, его закрытые глаза. “Ты удивительно милый, – сказала она, – но ради Бога, взрослей.”

Они встретились в музыкальном магазине. Валерия раздумывала над покупкой перевозной электровиолончели Yamaha, взвешивая все плюсы и минусы.

“Она весит меньше 10 фунтов, – уверял ее продавец, – даже с футляром. Вы можете брать ее с собой куда угодно. Он поставил перед собой виолончель и

включил ее в розетку. Помимо деревянного корпуса, она состояла лишь из грифа, шпиля, разобранных боковых частей, которые виолончелисты удерживают между бедер, и упора для подбородка.

“Похоже на (///) богомола,” – пошутил Джек, забыв о том, что он подслушивает якобы вовсе не для того, чтобы устранить дистанцию между классикой и роком, между виолончелисткой и ударником, между инь и ян. Валерия улыбнулась и, усевшись к виолончели, провела смычком по струнам, сыграв несколько нот Верди.

“Приятное низкое звучание, – сказала она. – Мне нравится. Хорошие верхние гармоники. Но не для меня.”

“А может все же стоит купить ее? – настаивал продавец. – Если Вам придется ездить туда-сюда на занятия автобусом, эта виолончель избавит Вас от хлопот. Не усложняйте себе жизнь, относитесь ко всему проще.”

“Я с Вами не согласна. Проще не всегда значит лучше.” Она подбросила ключи на ладони. Ее волосы, убранные в хвостик торчали из-под бейсболки с надписью “Бах – мой кореш”. Джек закрыл глаза и представил, как он, намотав на руку этот хвостик, разворачивает ее лицом к себе и целует.

Открыв глаза, он увидел, что она улыбается ему, как будто прочитала его мысли. “Некоторые вещи по определению не могут быть простыми, – она кокетливо прохаживалась мимо него так близко, что он чувствовал запах ее духов. – Эти вещи реальны, такие как есть.”

Джек сводил ее несколько раз поужинать, потом на концерт и наконец оказались в постели. Перед тем, как они занялись любовью впервые, она провела руками вверх по своему телу, медленно поглаживая себя.

“Пициикато,” – прошептала она и облизала свои пальцы. Она жадно вкушала собственные соки, прежде чем позволила ему насладиться ею... st.

Джек проснулся посреди ночи. Сторона постели, где спала Валерия, была холодной, а из ванной доносился шум воды. Должно быть, она не могла уснуть – открытый футляр для виолончели лежал на ковре, и он заметил, что она поменяла вещи, в которые была завернута виолончель: вместо блузки она подложила кашемировый шарф, голубые кружевные трусики были обернуты вокруг смычка. Она всегда говорила, что эти трусики приносят ей удачу. Она верила в удачу – в интуицию, счастливую случайность, предчувствия. Она даже помыла машину в тот день на всякий случай. “На какой это всякий случай?” – спросил Джек, все однако понимая, и она широко улыбнулась. “Ну а что если директор случайно увидит, как я выхожу из машины перед прослушиванием? Вдруг он скажет: “Какая чистая машина! Я хочу, чтобы эта девушка училась у меня!”. Тут улыбка исчезла с ее лица и она пожала плечами.

“Я должна попытаться, хоть шансы и невелики.”

“У тебя все получится,” – снова сказал ей Джек.

“А может и нет. Может я проведу всю жизнь в одиночестве со своим Хопалонгом, пока не достигну абсолютного дна и буду давать частные

абсолютной ясности, попытки навлечь беду и чистой неудачи, он знал, что она все знает. И он знал, что все кончено.

Довольно хорошо, много удач, но есть и непонятые и неверно переданные моменты. Музыкальные термины надо оставлять.